Н.Н. МЕЗГА. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель, 2019. 229 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0009522-7

В 2019 г. историография взаимоотношений РСФСР/СССР с Польшей в межвоенные годы пополнилась монографией декана исторического факультета Гродненского государственного университета имени Ф. Скорины, Николая Николаевича Мезги, не один год занимающегося этой проблематикой. Структура работы классическая: введение, основная часть, заключение, список использованных источников и литературы. Основная часть разделена на шесть глав в соответствии с принятой автором периодизацией советско-польских отношений между заключением Рижского мира в 1921 г. и государственным переворотом 1926 г. Ю. Пилсудского. В качестве рубежных событий им избраны Рапалльский договор 1922 г., оккупация французскими и бельгийскими войсками Рура и Локарно, т.е. события, больше касавшиеся отношений Польши с Германией, чем с Советской Россией. Выбор именно германского внешнего фактора в какой-то мере объясняется тем, что он лучше всего известен автору [1], но, видимо, у него были и другие мотивы, хотя в монографии о них, к сожалению, прямо не сказано.

Источниковая база работы достаточно традиционная, помимо известных документальных публикаций, это материалы из фондов АВП РФ, РГАСПИ, Архива новых актов в Варшаве, а также польская публицистика. А вот из прессы использованы только газетные статьи, включенные в сборники документов, хотя она доступна в Интернете, по крайней мере газеты «Известия» и «Правда», имеющие важное значение для темы книги. Многолетний руководитель НКИД Г.В. Чичерин свидетельствовал: «До 1928 года все, что в «Известиях» и «Правде» имело какое-либо отношение к внешней политике, присылалось мне в гранках или читалось мне по телефону, я выбрасывал или изменял» [2. С. 106]. Достаточно полно привлечена литература по теме на белорусском, польском и русском языках.

Н.Н. Мезге удалось создать работу, дополняющую и обогащающую сделанное предшественниками, в том числе и теми, кто непосредственно занимался историей советско-польских отношений в интересующее его время [3]. В числе сюжетов, прежде так подробно не рассматривавшихся, подрывная деятельность советских спецслужб в Польше и использование сторонами национальных движений в сопредельных областях друг друга в целях дестабилизации внутриполитической ситуации и создания внешнеполитических осложнений партнерам. Традиционно много внимания уделено советско-германскому договору 1922 г. в Рапалло, якобы серьезно угрожавшему Польше, а также занявшему длительное время процессу реформирования Версальской системы до и после Локарно, грозившему, хотя и по-разному, Польше и СССР. В целом, Н.Н. Мезгой создан труд, хорошо структурированный, весьма информативный, базирующийся на обширном корпусе источников, в том числе ранее так полно не использовавшихся, как, например, протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б).

Позитивно оценивая рецензируемую монографию, считаем все же возможным и нужным высказать в ее адрес критические замечания, особенно по вопросам,

принципиально важным для понимания международных отношений в 1921–1926 гг. в целом и советско-польских двусторонних отношений в частности. Вслед за некоторыми польскими историками, прежде всего А. Новаком и М. Корнатом, Н. Мезга, не ссылаясь на них, утверждает, что для «Центрально-Восточной Европы [...] правомерно будет говорить о Версальско-Рижской системе международных отношений, так как характер межгосударственных отношений здесь во многом определялся Рижским договором, причем не только между СССР и Польшей, но и в названном регионе в целом» [1. С. 3]. Не вдаваясь в мотивы, которыми руководствовались польские авторы этой новации в истории международных отношений, остановимся на формальных аспектах самого понятия международная система. Теоретики международных отношений считают, что международная система (порядок) представляет собой совокупность взаимоотношений между членами международного сообщества, базирующихся на взаимодействии разнородных факторов, важнейшими из которых являются соотношение «совокупных потенциалов отдельных участников и построенная на нем иерархия стран, а также принципы и правила этих взаимоотношений». В числе основных элементов Версальского мирового порядка они выделяют, в частности: закрепление баланса сил и интересов, предполагающего политическое, экономическое и территориальное господство держав Антанты; перекройку не только мировой колониальной, но и европейской политической карты путем отторжения территорий у побежденных стран и создания из них новых государств; учреждение Лиги Наций как постоянно действующего межгосударственного механизма согласованного разрешения международных конфликтов, прежде всего территориальных споров [4].

Обладала ли межвоенная Польша таким *совокупным* экономическим, военным, политическим, демографическим и т.д. потенциалом, который позволил бы ей занять высокое место в иерархии восточноевропейских государств? Ответ очевиден, нет! Хотя в межвоенные годы она всеми силами пыталась доказать миру свой великодержавный статус.

Еще одной важной характеристикой Версальской системы являлось наличие сформированной в Париже в 1919 г. мощной договорно-правовой системы, на которой и держался Версальский порядок [5]. Была ли какая-то подобная система в Восточной Европе? И на этот раз отрицательный ответ очевиден. Не надо забывать также, что Эстония, Литва, Латвия и Финляндия заключили мирные договоры с Советской Россией независимо друг от друга и раньше Польши. Нет никаких свидетельств того, что Польша когда-либо играла роль патрона Прибалтийских государств, Финляндии и Румынии. Что же касается Литвы, то Польша принудила ее установить с ней дипломатические отношения только в марте 1938 г. СССР же имел дипломатические отношения de-jure или de-facto со всеми странами региона. Перечень аргументов, опровергающих существование когда-либо Версальско-Рижской системы, легко продолжить. Более того, есть все основания утверждать, что это Советская Россия с помощью политики «буферизма» образовала в 1920 г. систему безопасности на своей западной границе. Именно ее СССР берег, когда выступал против попыток Польши создать под своей эгидой польско-балтийский союз.

С признанием Н.Н. Мезгой концепции Версальско-Рижской системы международных отношений связано и определение им содержания советско-польских отношений в 1921–1926 гг. как «борьбы за доминирование в Восточной Европе невоенными методами» [1. С. 5]. С таким подходом трудно согласиться хотя бы потому, что советско-польские отношения в рассматриваемый период вовсе не были приоритетом советской внешней политики. Ведь «Восточная Европа» (страницей ранее регион был назван Н. Мезгой Центрально-Восточной Европой) была периферией Версальской системы, и именно здесь располагались те самые вновь созданные и расширившие свою территорию государства, интересы которых центром системы (т.е. Францией и особенно Великобританией) во внимание принимались в последнюю очередь. Советское руководство главной целью своей дипломатии уже в 1919 г. de-facto определило налаживание отношений с центром системы, т.е. с великими державами, без чего чрезвычайно трудно было восстановить народное хозяйство страны. Ни одно из окраинных государств (пожалуй, помимо Чехословакии, частично относившейся к региону Восточной Европы), не имело просто физической возможности оказать Советской России содействие в решении этой задачи.

В связи с этим достаточно напомнить судьбу торгового договора, который Москва и Варшава после подписания Рижского договора обещали заключить в ближайшие месяцы, а сделали это только в феврале 1939 г. В то время как аналогичный договор с Великобританией РСФСР подписала менее чем за год с начала соответствующих переговоров (и это при отсутствии политического договора), а с Германией через три года после Рапалло. Поэтому советско-польские отношения ограничивались главным образом политической областью, в 1921–1926 гг. крайне нестабильной, в том числе и из-за частой смены в Польше правительств и министров иностранных дел. Лишь в 1924–1926 гг., когда министром иностранных дел почти два с половиной года непрерывно был граф А. Скшиньский, наблюдалась некоторая нормализация советско-польских отношений. Но скорее поверхностная, продиктованная не внутренними, а внешнеполитическими причинами, связанными с подготовкой державами и Германией гарантийного пакта и Локарнских соглашений. И об этом весьма подробно и объективно рассказано в монографии Н.Н. Мезги [1. С. 185–197].

Высказанные выше соображения о второстепенности для Москвы отношений с Варшавой имеют прямое отношение и к анализу Н. Мезгой Рапалльского договора. Не разделяя полностью господствующее в современной польской историографии мнение об антипольской направленности советско-германского договора 1922 г., он все же увидел в нем определенную угрозу для Польши, которая «заключалась главным образом в новой политической ситуации, сложившейся в Центральной и Восточной Европе. Внешнеполитические противники Польши в лице Германии и Советской России объединили свои усилия для борьбы с Версальской системой, в устойчивости которой в целом Польша была заинтересована, а сама Польша оказалась в указанном выше регионе в значительной степени в международной изоляции» [1. С. 57]. Но никаких убедительных аргументов в подтверждение этого сомнительного утверждения, кроме цитаты из речи В.И. Ленина в сентябре 1920 г., Н. Мезга не привел.

А ведь за прошедшее с момента выступления советского лидера время Польша заключила с Францией и Румынией военные конвенции, прямо направленные против Советской России. Советско-германский договор, как известно, подобной конвенцией не сопровождался, Германия была разоружена, обложена непомерной контрибуцией и поставлена под контроль победителей. Как показал Рурский кризис 1923 г., даже спустя год после Рапалло она не имела возможности противостоять оккупации части ее территории французскими и бельгийскими войсками. Поэтому военной угрозы для Польши Германия вплоть до прихода к власти Гитлера не представляла. Что же касается Советской России, то ей Рапалльский договор открывал доступ к продукции германской промышленности, в том числе военной, которая не была разрушена во время Первой мировой войны. Он также способствовал укреплению безопасности СССР, исключая Германию из числа возможных участников, даже пассивных, агрессии с запада.

Дискуссию с Н.Н. Мезгой по ряду более мелких и менее важных сюжетов можно было бы продолжить, поводов для этого в его монографии достаточно. Но поскольку они не имеют столь же принципиального значения для понимания истинного состояния советско-польских отношений в 1921–1926 гг., как высказанные выше, мы сочли возможным в данной рецензии этого не делать.

© 2020 г. *Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю.*
gfmatveev@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Мезга Н.Н.* В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель, 2010.
2. «Диктатура Языкочешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. Документы русской истории. 1995. № 6.
3. *Ольшанский П.Н.* Рижский договор и развитие польско-советских отношений, 1921–1924. М., 1974; *Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М., 2007; *Павлова М.С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016.
4. studfile.net›preview/6051069/page:11/ (доступ 08.01.2020).
5. LivePosts.ru›articles...articles...o...vashingtonskoj...(доступ 08.01.2020).